

О.В. Седельникова

*Томский политехнический университет
Томский государственный университет*

**«Промежуточные жанры» в творческой лаборатории
художника слова: к вопросу о методологии исследования
(на материале дневника А.Н. Майкова 1842–43 гг.)***

Аннотация: В контексте актуальных тенденций развития современного литературоведения рассматриваются методологические принципы изучения дневниковых текстов как самоценных промежуточных образований, в рамках которых вызревают важнейшие аспекты мировоззрения художников и самобытные особенности их поэтики и эстетики. Используемый подход позволяет сделать основным объектом исследования даже не столько сам изучаемый дневник, но именно проявившуюся в нем личность автора.

In accordance with the current trends in the literary studies, the present work investigates the methodological principles of studying diary texts as valuable intermediate phenomena where the most important aspects of writers' outlooks and idiosyncrasies of their poetics and aesthetics evolve. Within the selected approach, it is not so much the diary itself that is the object of investigation, but rather the author's personality that finds there its manifestation.

Ключевые слова: эго-документ, дневник, мировоззрение, эстетика, А.Н. Майков.

Ego-document, diary, outlook, aesthetics, A.N. Maikov.

УДК: 821.161.1:82-6

Контактная информация: Томск, пр. Ленина, 30. НИ ТПУ, кафедра русского языка и литературы Института международного образования и языковой коммуникации. Тел. (3822) 563297. E-mail: sedelnikovaov@tpu.ru.

В последние десятилетия в филологии и других гуманитарных науках обозначился новый виток интереса к изучению дневников, мемуаров, записных книжек и эпистолярия представителей русской культуры [Колядич, 1998; Галаган, 2000; Егоров, 2002; Местергази, 2007 и др.] – набора жанров, которые, следуя словоупотреблению П.А. Вяземского, можно объединить под названием «обиходная литература» [Гинзбург, 1982, с. 84], Л.Я. Гинзбург называла «промежуточными» жанрами [Там же, с. 62], а в современных исследованиях все чаще получает обобщенное название «эго-документов» [Михеев, 2007, с. 7]. Это обусловлено всесторонним интересом гуманитарных наук к проблемам развития культуры и выявлению закономерностей ее процессов, необходимостью введения в науч-

*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Путевой дневник А.Н. Майкова 1842 г. в контексте становления мировоззрения и эстетики поэта» (проект № 07-04-00072а).

ный дискурс ранее не осмысленных документов прошлых эпох, характеризующих как процесс формирования взглядов отдельных представителей русской культуры, так и уточняющих научные представления о культурной полемике той или иной эпохи в целом, а также с необходимостью переосмысления и современного изучения таких, казалось бы, давно известных документов, как дневники Л.Н. Толстого. В настоящее время активно развивается новый подход к исследованию дневников русских писателей, а также примыкающих к ним по характеру жанров. Эго-документы перестают быть только источниками фактической информации и воспринимаются как самоценные промежуточные образования, в рамках которых вызревают важнейшие аспекты мировоззрения художников и самобытные особенности их поэтики и эстетики. В этих документах зарождаются и вызревают новые жанрово-стилевые формы, так или иначе определяющие динамику формально-содержательных поисков большинства представителей словесного искусства в ближайшие десятилетия.

Возможность такого разворота проблемы была намечена еще В.Г. Белинским в итоговой статье «Взгляд на русскую литературу 1847 г.», где он указывал: «...Самые мемуары, совершенно чуждые всякого вымысла, ценимые только по мере верной и точной передачи ими действительных событий, самые мемуары, если они мастерски написаны, составляют как бы последнюю грань в области романа, замыкая его собой» [Белинский, 1956, с. 316], – подчеркивая особое положение дневников, записок и т. п. по отношению к жанрам художественной словесности. В истории российского литературоведения этот подход получил развитие в работах Ю.Н. Тынянова и Л.Я. Гинзбург [Гинзбург, 1971; 1982; Тынянов, 1977].

Среди предпосылок развития новых методологических принципов научного восприятия «промежуточных жанров» как важного факта творческой эволюции художника слова необходимо указать на становление герменевтики, которая в последние десятилетия XX в. стала определять во многом направление развития филологии и других гуманитарных наук. Проблема поиска оснований для адекватного понимания и истолкования произведений словесного искусства заставила по-новому взглянуть на традиционно привлекаемые в процессе историко-литературного исследования документы и увидеть в них не столько источник фактической информации, но, переключая внимание со «что» на «как», с фактов на выбор предмета дневникового нарратива, характер проявления авторской позиции, интонацию, стиль и многое другое, использовать эго-документы как способ проникновения в потаенные уголки авторского сознания, превратить в волшебную дверь в творческую лабораторию писателя, в средство познания его творческой личности в целом. В связи с этим в работах современных исследователей предметом научной рефлексии являются не только содержательные пласты эго-документов, но и принципы отбора материала, поэтика и стиль отдельных фрагментов. Предметом изучения становятся и сами методологические принципы работы с документами, соединяющими объективные свидетельства и субъективную трактовку фактов, документальное и фикциональное, представляющими своего рода лабораторию вычленения и осмысления актуального жизненного материала. Различные модели такого подхода к изучению эго-документов реализованы в работах многих современных исследователей [Галаган, 2002; Жиликова, 2009; Михеев, 2007; Паперно, 2003; Тихонова, 2006; Янушкевич, 2004 и др.].

Если рассмотреть все разнообразие дневников представителей русской культуры разных эпох, очевидной окажется крайняя пластичность, текучесть жанровой формы, ее предельная чувствительность к целому комплексу внешних и внутренних факторов, воздействующих на формирование уникального жанрового инварианта в каждом конкретном случае. Уместно поставить вопрос о том, что есть дневник в его классической форме. «Литературная энциклопедия терминов и понятий» предлагает следующее определение: «Дневник – периодически пополняе-

мый текст, состоящий из фрагментов, с указанной датой для каждой записи» [Жажикашвили, 2001, с. 232]. Документальный дневник представляет собой первичный опыт осмысления жизненного материала, определенным образом отобранного, протяженный во времени, что позволяет использовать его для изучения фактов внутреннего развития его автора и их закономерностей. Главным в этом крайне общем определении является выделение регулярной, пополняемой формы записей, которые могут быть и не датированными, а также, но более опосредованно, их личностно обусловленный характер, влекущий за собой откровенность и даже исповедальность [Михеев, 2007, с. 9, 12–13, 62–67]. Последнее может быть глубоко скрыто за отстраненной манерой описания фактов, лишенной развернутых оценок, как, например, в дневнике Е.А. Штакеншнейдер [Штакеншнейдер, 1934]. Однако за внешней объективностью такого дневникового текста открывается опосредованная, скрытая исповедальность иного порядка, которая выявляет себя не в прямых признаниях, а в самом строе текста, в отборе материала, в принципах его подачи и текстового оформления (жанрового, стилового и проч.), в возвращении к одному и тому же событию или факту, в прямых и скрытых повторах – исповедальность, не менее тонко препарирующая, но уже не определенные мысли, чувства, поступки, а весь строй мыслей и чувств, определяющий сущность личности, ее фундаментальные аксиологические установки. Выраженная исповедальность дневника, на наш взгляд, связана с романтическим пониманием его назначения и особыми психологическими потребностями его автора. Таким образом, дневник изначально осознается как максимально свободная жанровая форма. Предельно свободен даже сам набор жанровых образований, которые могут оформлять отдельные записи. По мнению М. Михеева, за этим стоит «текучее разнообразие бытовых письменных жанров», которые «следует соотнести с речевыми жанрами Бахтина» [Михеев, 2007, с. 27].

Единственное, что может выступить в качестве общей черты, объединяющей очень разные дневники – это интерес дневника к реальности во всевозможных ее проявлениях, но всегда пропущенной сквозь призму авторского сознания, а лучше сказать, интерес к отдельным аспектам реальности, вызывающим личную заинтересованность, значимым с точки зрения автора дневника. Хотя это правило имеет свои исключения: с развитием культуры Нового времени, творящей свою новую мифологию, выделяется целый пласт дневниковых документов, в основе которых вовсе не воспроизведение реальности, а ее пересоздание, то есть по большей части вымысел. О заметной актуализации фикциональности и т. п. в дневниках и других эго-документах можно говорить применительно к российской культурной ситуации XX в., в условиях которой искренность и исповедальность интонаций, имманентных в большинстве случаев подобного рода документам первой половины XIX в., становится формой самооговора, вступает в конфликт с инстинктом самосохранения, формируя в душе автора сложный психологический комплекс. Активизация вымысла также связана с изначально свойственной культуре XX в., как и эпохе романтизма, атмосферой мифотворчества, в которой и собственная жизнь, и окружающие события воспринимаются в преломленной форме. Подобные свойства, как будто, свидетельствуют о невозможности выработки единых методологических принципов анализа дневников в силу крайней изменчивости самого жанра. Однако сама возможность выделения дневника как особой жанровой формы и пристальный научный интерес к ее изучению и описанию заставляет считать это заключение неправомерным.

Другое объединяющее начало заключается в наличии безусловной внутренней потребности автора дневника, заставляющей создавать некий текст, с одной стороны, а с другой – в прямой или косвенной соотнесенности записей с пережитым жизненным опытом и его первичным осмыслением [Жажикашвили, 2001, с. 233; Михеев, 2007]. Важно учитывать и формальный аспект, заключающийся в периодичности ведения записей, в их регулярности. Определение внутренних

причин создания дневника и связанный с этим фактором принцип отбора жизненного материала, ставшего предметом авторского внимания, позволяет несколько сместить акценты и сделать конечным предметом исследования уже не столько сам экспериментальный текст, сколько личность создающего его художника. Изучение конкретного дневника с точки зрения этих позиций позволяет выстроить объективный анализ рассматриваемого документа, разработать концепцию изучения, набор и последовательность используемых методологических приемов.

Начнем с первого выделенного аспекта – определения внутренней потребности создания дневника, осознаваемой автором либо еще до начала его ведения, либо в самом процессе. Для подавляющего большинства дневников характерно хотя бы единожды встречающееся наличие авторской рефлексии о причинах обращения к этой форме и о характере записей. Она может иметь самостоятельное текстовое оформление или проявляться подспудно. На этом этапе важное значение имеет обращение к контексту жизни автора известного периода. Оно, наряду с содержанием дневника, позволит понять причины и цели, побудившие обратиться к этой жанровой форме. Определение целей ведения дневника, пусть постепенное, вырастающее не столько даже из непосредственных заявлений автора, сколько из соотношения содержания документа с окружающим его фактическим и документальным контекстом, является одним из важнейших направлений исследования дневников и обуславливает обращение к отдельным методологическим приемам. Общие цели, прямо или подспудно декларируемые автором, проявляются в особом виде в каждом фрагменте дневникового текста и каждый раз уточняются, приобретают новые оттенки в связи с экспериментальной природой самого жанра, заставляющего работать с творящейся на глазах живой реальностью.

На этапе определения целей, побудивших к созданию дневника, необходима и конкретизация изучаемого материала, определение его специфики в рамках данного жанрового образования. С этой точки зрения можно выделить дневники психологические, дидактические, самообразовательные, летописные, путевые и т. п. (однозначной классификации жанровых разновидностей в настоящее время не разработано, в данном случае мы предлагаем крайне формализованный подход к классификации, удобный для решения поставленной задачи). Поскольку предметом нашего исследования является путевой дневник А.Н. Майкова 1842–43 гг., дальнейшие рассуждения выстроим применительно к этому документу [Майков, 2013, с. 235–294].

Для характеристики документа важным представляется вопрос о закономерности обращения Майкова к дневниковому жанру. Майков не принадлежит к числу литераторов, склонных к последовательному ведению дневников. Предмет нашего изучения представляет, скорее, исключение среди документов личного архива поэта, нежели чем правило: в разные периоды своей жизни Майков вел записные тетради или записные книжки. Некоторые из них сохранились в его архиве [Майков, 2010]. Однако других дневников до настоящего момента обнаружено не было. Вероятно, привычка к ведению дневника изначально не сформировалась по причине активности разнообразных форм межличностного общения и творческого самовыражения в домашнем кружке Майковых, сыгравшем значительную роль в формировании личности поэта [Гродецкая, Туниманов, 1997, с. 612–620], особенно в связи с тесным общением с братом Валерианом, родившимся двумя годами позже Аполлона [Майков, 1977, с. 79]. Сам тип характера Майкова также не располагал к ведению интровертивных форм дневника [Егоров, 2002, с. 7; Михеев, 2007, с. 15–18], не случайно в творчестве поэта почти не обнаруживаются стихотворения субъективно-лирического, исповедального содержания. Таким образом, дневник Майкова 1842–43 гг., написанный в особых жизненных обстоятельствах, связанных с путешествием по Европе и отсутствием при-

вычного круга общения, интересен своей уникальностью в творческом наследии поэта.

Содержание начала первой записи позволяет говорить о том, что потребность в ведении дневника возникает у Майкова вследствие душевной неудовлетворенности в ситуации разлуки с близкими людьми, внутренней потребности выразить свои впечатления и размышления и сохранить их в той форме, в которой породил их жизненный момент, чтобы потом обратиться самому к этим записям и поделиться впечатлениями с теми, кому молодой Майков привычно доверял свои мысли и чувства [Майков, 2013, с. 6]. Изменение внутренних потребностей молодого путешественника в процессе продвижения по Европе обуславливает постепенную трансформацию жанровой формы дневника, которые особенно заметны в римской части документа [Седельникова, Булгакова, 2012, с. 93–95]. Прекращение дневника объясняется не столько концом тетради, в которой велись записи, но и исчерпанностью потребности в таком заместителе других форм выражения своих мыслей и чувств, постепенной его заменой на тетрадь, где в 1843–44 гг. ведется работа над стихотворениями, составившими позднее цикл «Очерки Рима» [Ямпольский, 1978, с. 39–57], прозаические наброски и т. п. Постепенная утрата потребности в дневнике может быть связана и с близящимся воссоединением с родными, в ожидании которого Майков уехал из Рима в Венецию, где в начале августа 1843 г. он встретился с Вал. Н. Майковым. Немного позднее к ним присоединился Вл. Ап. Солоницын [Гродецкая, 2001, с. 45].

Важно подчеркнуть, что в дневнике Майков не склонен к рисовке и позерству, его личность проявляется в предмете записей и специфике его осмысления, но не в формальных особенностях речевого поведения. Это показательно, поскольку ролевое поведение, любовь к мистификациям и розыгрышам, определяющая, в том числе, содержание и стилистику высказываний, были очень характерны для бытового повседневного общения между участниками кружка Майковых [Гродецкая, Туниманов, 1997, с. 612–620]. Манеру домашнего речевого поведения поэт сохраняет в письмах родным и друзьям, но в дневнике за единичным исключением, отдающим дань прошлым привычкам и связанным опять-таки с воспоминанием о друзьях [Майков, 2013, с. 39–40], Майков немногословен, прям и лишен стремления мифологизировать реальность. Это определяется целью обращения поэта к ведению дневника – сохранить для себя важнейшие впечатления от знакомства с памятниками европейской культуры.

Важным является вопрос о датировке документа и его хронологической структуре. Классический дневник является «последовательностью регулярных записей, отражающих события дня в конкретном месте и в конкретные часы» [Егоров, 2002, с. 6]. Дневник Майкова нарушает эту формальную особенность: его записи нерегулярны, часто ретроспективны, не всегда датированы и не имеют четкого соотношения между отдельной заметкой и определенным днем, тем более не отражают внешних событий дня. За кажущейся внешней небрежностью скрывается осознанная авторская позиция: молодому путешественнику не важно просто отразить этапы передвижения по Европе – ему важно как можно больше увидеть и подметить в проезжаемых местах, а когда появится возможность – зафиксировать то, что привлекло внимание, заставило переживать и размышлять. Вследствие этого наряду с типичными для дневниковой формы элементами жанровой структуры: поэтической пейзажной зарисовкой, бытовым, историко-культурным очерками и очерком нравов, в дневник Майкова органично входят такие нетипичные микрожанры, как культурологическое эссе и опыты перевода художественных и исторических произведений. Некоторые отрывки сопровождаются на полях набросками, что отражает важность для автора дневника визуального образа, идущего часто впереди его словесного оформления. В отличие от многих авторов дневников XIX в. Майков не делает подробных описаний чего-либо. Это связано и с отсутствием времени, и, очевидно, желания и склонности

писать много и подробно. В связи с этим актуальным для Майкова становится принцип свертывания, кодирования информации, обуславливающий использование различных форм интертекстуальности [Седельникова, 2011].

Актуальным контекстом для изучения дневника становятся документы и художественные произведения Майкова, написанные как в этот период, так и позднее. Вместе с дневником они создают единое содержательное поле, взаимодополняя друг друга, восстанавливают полноту событийной картины жизни поэта с осени 1842 до лета 1843 гг. Сопоставление разных документов позволяет экстраполировать данные одного контекста на другой, находить взаимосвязи и соответствия и восстанавливать на основании этого недостающие звенья. Для уточнения этапов путешествия и дат ценным источником являются письма Майкова из Европы, адресованные родным и друзьям. С опорой на них по косвенным признакам становится возможным установить ряд недостающих дат. Эпистолярный контекст позволяет осмыслить некоторые структурные особенности документа, становясь источником для выдвижения гипотез: отдельные фрагменты писем осени 1842 г. (из Парижа и Милана) практически совпадают с дневниковым текстом, однако постепенно содержание дневника и писем становится совершенно различным, документы перестают дублировать друг друга, но в своем единстве восстанавливают полноту впечатлений и размышлений, вызванных в сознании Майкова пребыванием в Италии. Наконец, особенно репрезентативными становятся содержательные проблемно-тематические связи, устанавливающиеся между дневниковыми записями и художественными произведениями поэта. Рассмотрение перспектив осмысления важнейших проблемных линий дневника в последующем творчестве Майкова позволяет адекватно интерпретировать записи, особенно те, для которых характерна опосредованная форма выражения мысли, уточнить трактовку отдельных фактов и верифицировать гипотезы.

По содержательному принципу весь дневник можно условно разделить на три части: первую составляет описание путешествия из Кронштадта в Париж и трех недель пребывания в столице Франции. Она занимает первые пятнадцать листов дневника. Во вторую часть вошли заметки, посвященные описанию двухнедельного переезда из Франции в Италию, маршрут которого пролегал через Савойю и Швейцарию. Это вновь записи ретроспективного характера, сделанные во время более-менее продолжительной остановки и нередко отражающие события нескольких дней. В третьей части документа представлены заметки, сделанные в Италии, с ноября 1842 по март-апрель 1843 гг. Здесь наиболее заметны существенные жанровые трансформации, сближающие дневник с записной тетрадью [Седельникова, Булгакова, 2012, с. 93–95, 102].

В результате анализа хронологической структуры дневника и вычленения отдельных записей мы можем обратиться к изучению их содержательной и жанровой специфики. Семантический анализ отдельных фрагментов дневника Майкова особенно показателен, так как перед нами живой текст, в котором многое есть следствие не последовательных рационалистических построений, а синтеза жизненных впечатлений и проявления потребности осмысления отдельных вопросов. Результатом такого анализа стало выявление уровней проблематики дневникового дискурса и его доминанты. В том или ином виде в дневниковых записях отражены все проблемы, интересующие Майкова в этот период времени. Как факт внутреннего развития путешественника любой дневник имеет сложную полисемантическую организацию дискурса, так как по своей жанровой природе напрямую соотносится не только с особенностями авторского сознания, но и обусловлен объективными предпосылками, влияющими на автора и регулируемыми введением фактов внешней жизни и их трактовку. Анализ проблематики отдельных записей дневника Майкова позволяет выделить следующие проблемно-содержательные пласты, организующие дневниковый дискурс: формально-фактографический, этнографический, социально-политический, исторический,

эстетический, аксиологический, рефлексивно-поэтический. Такое вычленение проблем достаточно условно, так как большинство записей реализуют последовательное внимание ко всем этим вопросам сразу. Смысловой основой синтеза, обеспечивающей цельность документа, здесь выступает философско-эстетический дискурс.

Использованный подход позволяет сделать объектом исследования даже не столько сам изучаемый дневник, но именно проявившуюся в нем личность Майкова. Это особенно важно в связи с очевидным недостатком свидетельств, позволяющих достоверно охарактеризовать комплекс общественно-политических, философских, исторических и эстетических взглядов поэта. Эго-текст, написанный для себя, искренний, исключая позерство, становится достоверным портретом личности его автора: в нем отражается весь круг проблем, волнующих пишущего в данное время, система ценностей, мировоззренческие и творческие поиски, своеобразие личных взглядов в контексте актуальных тенденций общественной и эстетической мысли своего века. Майков предстает перед нами не только в своем типичном облике поэта-антологиста, но человеком, живо схватывающим разнообразные впечатления. Опосредованное поэтическое мировосприятие соседствует здесь с очерково-публицистическим воспроизведением фактов и научным описанием. Взгляд художника не исключает пристального внимания к самым разнообразным проявлениям современной жизни. Анализ микротем дневникового дискурса показывает, что молодой Майков не был человеком аполитичным, равнодушным к насущным проблемам современной жизни. Напротив, логика движения мысли в процессе осмысления большинства фактов европейской культуры демонстрирует органический демократизм сознания поэта как основу мировосприятия в целом, исходный принцип, определяющий важнейшие особенности рецепции и исторических эпох, и явлений общественной жизни, и событий, и произведений искусства [Майков, 2013, с. 23–28 и др.].

Использование контекстного и структурно-семантического анализа дневника 1842–43 гг. дают основания видеть в этом документе один из важнейших элементов творческой лаборатории Майкова этого периода. Пестрота тем и нестабильность формы здесь не знак небрежности, а осознанная позиция, путь к целостности художественного и теоретического мышления нового, нериторического характера, которая потом проявит себя и в художественных произведениях Майкова, и в его статьях о литературе и живописи. Большинство формальных и содержательных характеристик дневника указывают на то, что перед нами экспериментальный лабораторный текст, отражающий и особенности отбора жизненного материала, и тенденции его философско-исторического осмысления, и специфику жанрового мышления поэта этого периода. Широта и диалектичность взгляда автора на мир определяет проблемный синкретизм записей и их стилевую неоднородность: перед нами не только лаборатория мысли, но и лаборатория формальных поисков. Во-первых, сам Майков ищет новые подходы к изображению мира, прозаически объективное и философски насыщенное слово – цель его поисков. С другой стороны, дневник Майкова отражает и характер мышления образованного молодого человека эпохи в целом, внутренний мир которого (в инварианте идеалиста-мечтателя, прагматика без поприща, или, чуть позже, идеолога) становится предметом всестороннего изучения русской психологической прозы и детерминантом ее поэтики.

Литература

- Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1847 г. // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 10. С. 279–360.
- Галаган Г.Я. Дневники молодого Толстого и его философско-историческая концепция // Мир филологии. М., 2000. С. 195–203.

- Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Л., 1971.
- Гинзбург Л.Я. Вяземский и его «Записная книжка» // Гинзбург Л.Я. О старом и новом. Л., 1982.
- Гродецкая А.Г. Чувствительные и холодные (В.А. Солоницын и семья Майковых) // Лица: Биографический альманах. СПб., 2001. № 8. С. 8–49.
- Гродецкая А.Г., Туниманов В.А. Примечания (вступительная статья) // Гончаров И.А. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. СПб., 1997. Т. 1. С. 607–638.
- Егоров О.Г. Дневники русских писателей XIX в.: Исследование. М., 2002.
- Жажикашвили С.В. Дневник // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. С. 232–233.
- Жилякова Э.М. Переписка А.П. Елагиной и В.А. Жуковского как памятник русской культуры первой половины XIX в. // Переписка В.А. Жуковского и А.П. Елагингой: 1813 – 1852 / Сост., подготовка текстов, ст. и коммент. Э.М. Жиляковой. М., 2009. С. 633–665.
- Из архива А.Н. Майкова («Три смерти», «Машенька», «Очерки Рима»). Публ. И.Г. Ямпольского // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1976 год. Л., 1978. С. 30–57.
- Колядич Т.М. Воспоминания писателей: Проблемы поэтики жанра. М., 1998.
- Майков А.Н. Письма 1847 – 1867 годов / Публ. И.Г. Ямпольского // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1975 год. Л., 1977. С. 72–121.
- Майков А.Н. Записная книжка (Публикация Н.В. Володиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007 – 2008 гг. СПб., 2010. С. 147–170.
- Майков А.Н. Путевой дневник 1842–43 гг. Итальянская проза / Сост., подгот. текстов, ст. и коммент. О.В. Седельниковой. СПб., 2013.
- Местергази Е.Г. Документальное начало в литературе XX в. М., 2006.
- Михеев М. Дневник как эго-текст (Россия, XIX – XX вв.). М., 2007.
- Паперно И.А. «Если бы можно было рассказать себя»: Дневники Л.Н. Толстого // Новое литературное обозрение. 2003. № 3. С. 296–317.
- Тихонова Е.Ю. Человек без маски. В.Г. Белинский: Грани творчества. М., 2006.
- Седельникова О.В. Интертекстуальность дневниковой прозы (на материале путевого дневника А.Н. Майкова 1842–43 гг.) // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2011. № 2 (14). С. 110–121.
- Седельникова О.В., Булгакова Н.О. Очерк «Об архитектуре» в путевом дневнике А.Н. Майкова 1842–43 гг. // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2013. № 2 (22). С. 92–103.
- Штакеншнейдер Е.А. Дневник и записки. (1854 – 1886). М.; Л., 1934.
- Янушкевич А.С. Дневники В.А. Жуковского как литературный памятник // Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2004. Т. 13. С. 397–419.